

* * *

И разноцветных слышишь голосов
Тона негромкие, и мнишь себя Констеблем,
Несёшь головушку с полей и из лесов
На шее длинной, как на тонком стебле,
По городам, где однотонной тишиной
Наполнен всяк и мерно, ровно дышит –
Неблагодарный небу, неживой,
Неудивлённый, высохший, остывший.

* * *

чиркали ручкой и карандашом,
стирали ластиком, рисовали на полях,
оставляли закладку на нужной странице,
вырывали страницы.
выделяли, обводили кружочком,
подчеркивали строчки, которые хотели запомнить,
выписывали строчки, которые хотели запомнить,
загибали углы,
перечитывали,
цитировали наизусть.
ставили на полку. забывали.
после тех, кто нас любил, мы
похожи на книги, бывшие в употреблении.

* * *

Опять разбежался по капелькам свет.
Весеннее ОРВИ.
Я сквозь потолок вижу: бусы планет
По нитям скользят орбит.

Я вижу, как в воздухе водят любви
Невидимые смычки.
Я больше могла бы увидеть – увы,
Но мне не идут очки.

Темно, и такая внутри пустота,
Такая стынь октября,
Что кажется, выдохну только тогда,
Когда
обниму
тебя.

* * *

*Небо без голоса,
Звонкого голоса,
Молча прядет.
С. Городецкий, 1905*

последний снег: небо сдувает с себя пыль
небо занято влажной уборкой
воздух прогорклый
неба больные легкие выдыхают ветра
в легких у неба вода
поэтому льет как из ведра
сиплый дождь

у неба пропал голос
оно заново учится говорить
голос пробивается сквозь тишину, как росток
сквозь земную твердь
ну же, небо, ответь

сквозняк дует между строк
выдувает тепло
тишина леденит душу

Лыхны

И рядом не те, и вокруг – все равно не те.
Снова врут февраль. Небо смотрит глазами хаски.
Жгут снежную бабу. Смех, праздники, канитель
И в отсутствие выбора – запахи вин абхазских.

Блины с пирогами завернуты в целлофан.
Задыхаются люди в метро, как цветы в теплице.
Газетный киоск. Вот здесь ты меня целовал.
А потом попрощался, потом растворился в лицах.

Со мной говорит это небо (здесь важен ритм,
Он взбивает мне сердце), что время уйдет, бесследно
Уйдет через черный вос-ход. Самый свет сторит.
Смотрят космоса черные дыры – зрачки вселенной.

... Замызганный город, на улице мозгло, дождь.
Бог нас сводит еще раз в стоглавой, первопрестольной.
В столикой столице, когда ничего не ждешь,
Это счастье случается все же. Оно простое.

Ладога

Гладкая галька, колкое крошево –
Рыжим ковром вдоль кромки воды
Стелется берег, песком запорошенный,
Стройных деревьев ряды.
Рябью подернулась зыбкая Ладога,
Вязкая патока, дно небес.
Все это чушь, будто жизнь не заладилась,
Чувствуешь – как пахнет лес?

* * *

В воскресенье – прощёное, вербное,
в понедельник, во вторник, в четверг,
к человеку приходит, наверное,
человек.

«Отведи меня в рощу – с деревьями
до небес и высокой травой.
В сельский сруб, где кисель пьют ревеневый,
тихо ручкой скрипят перьевой.

Дом бревенчатый, платья цветастые
в дряхлом бабушкином сундуке.
Будут грядки с пионами, астрами.
Будет страшно: воронка в реке.

Фотографию дай бело-чёрную,
что от влаги давно заплыла:
там не плача ножами точёными
режут луковицы-купола.

Проводами там небо зачеркнуто
и разбиты в церквях витражи.
Но грибов и лещины – до чертиков.
И на иве плакучей – ужи.

Уведи на аллею с каштанами.
В храм заплатанный, в плесени, рже.
Уведи на перрон с долгожданными
поездами – пустыми уже.

Покажи мне себя: эти клавиши,
эти карандаши, этот дом,
где живёшь не в реальности, с краешку –
в книжках, образах – тающим льдом,
забинтованный город – заснеженный,
где подобен апрель январю...»

Отведу. Слышишь? Где же ты? С кем же я
говорю?